

Юн Ци и Юн Шань восстановили добрые отношения, и тяжёлое бремя, что сдавливало душу, развеялось, как дым. Услышав добрые и утешающие слова младшего брата, Юн Ци лёг спать, забываясь безмятежным сном, которого не было за все эти дни. Внезапно положение изменило окраску, до ушей долетел ужасающий раскат грома, который прогремел прямо над головой.

Юноша, покрывшись ледяной испариной, внезапно проснулся.

— Старший брат! Старший брат Юн Ци!

Кто-то грубо потряс его.

Юноша открыл глаза, увидев Юн Линя, изумился и хотел узнать, что случилось, но младший брат опередил его, не дав и рта раскрыть:

— Кому ты отнёс письмо старшего брата Юн Шаня? Это письмо было написано императорским секретарём Гун Ухуэем?

Письмо, написанное Гун Ухуэем?

Юн Ци замер, словно к нему в ухо заползла ядовитая змея, а всё тело пронзило холодом.

Было ощущение, будто помилованного смертника, которого только выпустили из башни наказаний, неожиданно вернули обратно и вновь приговорили к смертной казни.

Юн Ци задрожал:

— Что... что за письмо Гун Ухуэя?

Юн Линь потряс юношу за слабые плечи и, чуть не плача, стал упрашивать:

— Старший брат, скорее верни письмо. Умоляю тебя. Жизнь старшего брата касается неба [1]. С этим нельзя шутить, даже если старший брат Юн Шань вновь обидит тебя, ударь его, поругай его и впредь больше не обращай внимания на все его поступки, только... только не надо так вредить ему!

Сердце Юн Ци сжалось:

— Что значит: жизнь Юн Шаня касается неба? Как я мог ему навредить?

— Гун Ухуэй умер в императорской тюрьме. Отец-император подозревает, что старший брат Юн Шань довёл его до смерти, и поэтому отправил У Цая прийти сюда и устроить допрос.

В голове Юн Ци что-то взорвалось, одурманивая и приводя в замешательство.

— У Цай сказал, что Гун Ухуэй встречался только со старшим братом Юн Шанем, ещё он что-то говорил про возведение матушки в ранг императрицы... — Нужно было действовать как можно скорее, к тому же Юн Линь многого не знал. Сказав лишь, что сейчас трудно всё объяснить, юноша топнул ногой. — Так или иначе... сейчас то письмо, что написал Гун Ухуэй, может прояснить дело. Старший брат, всё же верни его, умоляю тебя, старший брат.

Потянув Юн Ци за рукав, юноша с мольбой посмотрел на него.

Но увидев, что тот лишь уставился во все глаза и продолжал хранить молчание, Юн Линь подумал, что старший брат всё ещё не склонен прощать Юн Шаня и, рухнув на колени перед кроватью, прохрипел:

— Хороший старший брат, я знаю, что с тобой обошлись несправедливо, однако не стоит желать ему смерти! Верни ему то письмо, пощади его на этот раз. Хороший старший брат, я вместо него кланяюсь тебе до земли, умоляю тебя, пожалей, будь снисходителен... — Юноша опустил и, ударяясь о напольную плитку, стал со всей искренностью кланяться.

— Юн Линь! — Войдя в комнату, Юн Шань приблизился к брату и потянул его на себя, поднимая с земли, затем юноша внимательно осмотрел близнеца. Лоб младшего брата от ударов уже окрасился алой кровью. После чего юноша усадил Юн Линя на край кровати рядом с ошарашенным Юн Ци. Сложно было описать ту горечь и боль, что охватывали сердце. Мысли и чувства были полностью истёрты в порошок, словно их пропустили через каменные жернова. К боли, что выматывала душу, юноша неожиданно отнёсся бесчувственно и не впал в ярость, лишь поднял рукав и помог Юн Линю постепенно стереть стекающую до бровей алую кровь, потом похлопал его по плечу, заставляя немного успокоиться.

После чего он опустил на пол возле кровати и, на ощупь найдя и крепко сжав рукав Юн Ци, мягко проговорил:

— Я знаю, это старший брат взял письмо.

Юн Ци внезапно вздрогнул и сжал руку.

Крепко держа юношу, Юн Шань посмотрел на него и тихо сказал:

— Кто не заботится о себе, того карают Небо и Земля. За то, что старший брат так сделал, я не стану его упрекать. Это я был неблагоразумен, не догадался, что они привяжут наконец стрелы к такой мелочи, как письмо Гун Ухуэя. Умоляю старшего брата сказать мне: после того, как ты вытащил письмо из тайника, кому ты его отдал?

Сидящий в стороне Юн Линь оцепенел. Слушая слова Юн Шаня, юноша внезапно вздрогнул, в

голове неожиданно промелькнули воспоминания того дня. Когда он забирал Юн Ци, тот настойчиво требовал пойти в Холодный дворец.

С самого начала.

Всё это было заранее обдуманно!

— Он тогда настаивал, что хочет пойти в Холодный дворец, чтобы увидеться с наложницей Ли.
— Юн Линь вытаращил глаза и с болью в душе гневно посмотрел на Юн Ци. — Я думал, что ты соскучился по матушке, а, оказывается, ты... ты хотел навредить старшему брату!

— Юн Линь, не стоит шуметь, — Юн Шань повернул голову и мягко сделал выговор Юн Линю. Чувствуя, как сильно дрожит в его руках рука Юн Ци, юноша ещё ласковее прошептал: — Старший брат, ты отдал письмо наложнице Ли? Где она прячет его? Я знаю, ты не желаешь мне зла, просто не смог пойти матушке наперекор, верно? Ты не стал бы так вредить мне, старший брат, правда?

Чем ласковее звучал голос Юн Шаня, тем сильнее паниковал Юн Ци.

Он услышал последнюю фразу младшего брата, и слёзы, навернувшись на глаза, потекли по щеке. Дрожащим взглядом он посмотрел на Юн Шаня, но, так и не проронив ни слова, закачал головой.

— Нет? Ты хочешь сказать, что письмо не у наложницы Ли?

Юн Ци покачал головой, но, немного погодя, поняв смысл слов, вновь опустил голову.

В душе Юн Шаня затеплилась крохотная надежда:

— Старший брат не отдал письмо наложнице Ли? Письмо здесь у старшего брата?

Увидев, что Юн Ци качает головой, Юн Шань слегка испугался:

— Если оно не у старшего брата, неужели старший брат отдал письмо кому-то другому?

Юноша крепко закусил губу и ничего не сказал, лишь слёзы-жемчужины текли, обжигая лицо.

Юн Линь, не сдержавшись, раздражённо произнёс:

— Старший брат, говори! Где, в конце концов, письмо? У Цай в приёмных покоях ждёт ответа.

— Сжѐг...

— Что? — Юн Шань и Юн Линь одновременно задохнулись от ужаса.

— Сжѐг. — Взгляд Юн Ци был отрешѐнным, и, словно тупица, юноша пробормотал: — Сжѐг, я сжѐг его, сжѐг, даже пепла не осталось... — Его голос звучал всё тише и тише.

Внезапно всё тело охватила дрожь, даже несколько капель крови окрасили его губы.

Глаза закрылись, и юноша потерял сознание.

У Цай, находясь в приёмных покоях, пребывал в спокойном ожидании.

Он, будучи придворным евнухом, постоянно заботился об императоре, следовал за ним, и, в сравнении с другими людьми, он знал чуточку лучше наследного принца, которому едва исполнилось шестнадцать, в душе всегда восхищаясь его умению вести себя.

На этот раз император внезапно издал указ тщательно расследовать дело Гун Ухуэя, к тому же срочно направил его к наследному принцу, из-за чего испугался не только наследник престола, но даже сам У Цай, которому было приказано вести допрос, также пребывал в замешательстве.

Трагичная судьба императоров прошлых эпох постоянно переходила из поколения в поколение.

В прошлом году старшему сыну императора Юн Ци жизнь показалась хуже смерти. Неужели сейчас та же участь постигла и второго сына?

Хоть У Цай изо дня в день ухаживал за Огненным императором Янь-ди, однако никак не мог понять, о чём же в конце концов думает государь.

Волю Неба действительно не постичь.

Юн Шань и Юн Линь сказали, что возьмут доказательства, однако уже прошло полчаса, а слуга так и не увидел даже их тени. Несмотря на свои подозрения, у евнуха язык не поворачивался отправить людей, чтобы их поторопить.

Когда зажгли ещё одну палочку фимиама, в комнату тяжёлой поступью вошли два брата.

У Цай посмотрел на их лица, и сердце словно подскочило в груди.

И действительно, Юн Шань опустился на колени, сжав губы, помолчал какое-то время и в

итоге, решившись, открыл рот:

— Письма нет.

— Нет? — У Цай испуганно спросил: — Пропало?

— Нет, его и не было. — Юн Шань опустил взгляд и, смотря на холодную глянцевую напольную плитку, скрепя сердце проговорил: — С самого начала не было никакого письма, написанного Гун Ухуэем. Я был в растерянности, так как боялся наказания отца-императора, поэтому сказал первое, что пришло в голову.

У Цай ещё больше удивился:

— Первое, что пришло в голову?

Юн Линь с ужасно синим лицом стоял на коленях возле Юн Шаня, двигал головой, словно хотел поднять её и что-то сказать, но, почувствовав, как брат незаметно дёргает его за рукав, сдержался и, крепко стиснув кулаки, упрямо стоял на месте.

Сейчас тон Юн Шаня был твёрже, чем обычно, а сам юноша скрежеща зубами проговорил:

— Верно.

У Цай всем сердцем не верил словам Юн Шаня, однако не осмелился слишком много расспрашивать. В конце концов, он лишь придворный евнух, который получил указ вести дело, и, совершенно не переходя границ, лишь слегка кивнул:

— Понятно. Всё, что я хотел спросить, уже спросил. Ваши Высочества, прошу, встаньте.

На шее Юн Линя билась жилка, сам же юноша поднялся на ноги и, опустив голову, заметил, что Юн Шань всё ещё стоит на коленях, словно ледяное изваяние.

— Старший брат. — Юн Линь наклонился и вытянул руку, чтобы поддержать юношу.

Юн Шань поднял руку и вложил её в горячую ладонь младшего брата, однако не позволил ему поднять себя. Юноша немного помолчал и, отдёргнув руку, сам неспешно встал на ноги.

Получив все ответы на поставленные вопросы, У Цай с благоговейным лицом неторопливо произнёс:

— Ваш слуга сейчас отправится к государю и передаст ответы. Думаю, государь всё ещё может

издать новый указ. Прошу Ваших Высочеств пока никуда не выходить из дворца и терпеливо ждать здесь.

После он приказал восьми охранникам, стоящим позади него:

— Вы останетесь здесь заботиться о двух Высочествах. Во всяком случае будьте внимательны и не проявляйте грубость.

Договорив, слуга ушёл.

Как только дверь за евнухом закрылась, восемь охранников сделали несколько шагов. Держа за поясом меча, мужчины растянулись в цепочку, будто боги-хранители входа [2], подошли к дверям и встали рядом, словно охраняя их. Таким образом, двое братьев были взяты под стражу.

При этой охране евнух дворца наследного принца даже стакан горячего чая не осмелился принести в приёмные покои.

Юн Линь блестящими, словно бронзовый колокольчик, глазами посмотрел на охранников, и на лице появились горечь и негодование, что выдавали его желание ползть на рожон, чтобы излить гнев. Видя насквозь его мысли, Юн Шань схватил младшего брата за руку и прошептал:

— Кто-то очень хочет, чтобы мы сейчас подняли ненужный шум, не стоит потакать их желаниям. Сядь и успокойся.

Мягко заставив Юн Линя сесть, юноша также выбрал рядом стоящее кресло, прямо и аккуратно опустился в него, закрыл глаза и стал тихо ждать.

Юн Линь всё видел собственными глазами. Он прекрасно знал, что письмо на самом деле было, прекрасно знал, что его стащил Юн Ци и даже сжёг его, однако, спокойно наблюдая, как Юн Шань проглотил правду, юноша почувствовал, как кошки нестерпимо заскребли на душе.

Как он мог сдерживать переполняющую его обиду, скорбь и злость, находясь в приёмных покоях в ожидании высочайшего указа под надзором стоящих напротив восьми безэмоциональных охранников, а сидящий рядом старший брат Юн Шань неожиданно, опустив взгляд и голову, ещё смог успокоиться и отдохнуть?

Юн Линю от обиды хотелось подойти к каменной стене и биться о неё головой до крови.

На юном и благородном лице прошла мучительная судорога, ладони то крепко сжимались, то разжимались и были покрыты холодным потом, а целый час был невыносимым, словно вечность.

Когда сердце в груди уже готово было разорваться, за дверью донёлся голос:

— Прибыл высочайший указ.

Сидевший в отрешённом спокойствии Юн Шань внезапно открыл глаза, в которых таились искорки.

Уже вскочив с кресла, Юн Линь тяжело дышал.

Звук шагов приближался, охранники отошли от середины двери, открывая её и уступая дорогу.

Вошедшим оказалась первая рука императора — Юн Шэн.

Сам юноша был облачён в официальное платье принца, в котором он обычно отправлялся на аудиенцию к императору, на плечах висела накидка цвета красной розы в тон одеянию, шею обтягивал тёплый толстый воротник из лисьей шкуры. Выглядя крайне благородно, юноша в приподнятом настроении с высочайшим указом в руках вошёл в комнату и встал в самом центре.

У Цай, опустив голову, осторожно следовал за ним.

— Наследный принц и князь Цзянчжун Юн Линь, выслушайте высочайший указ!

Два брата не ожидали, что именно он явится огласить высочайший указ. С его появлением на душе стало тяжело, но волей-неволей пришлось оставить это чувство без внимания и, следуя правилам приличия, опуститься на колени, смиренно ожидая оглашения воли императора.

Юн Шэн раскрыл свиток и выразительно зачитал:

— Волею Неба и по велению Императора проверка по делу императорского секретаря Гун Ухуэя, неожиданно отравившегося в императорской тюрьме, показала, что с Наследного принца Юн Шаня, который, проводя расследование, самовольно явился в императорскую тюрьму, сняты обвинения. Однако пока Наследного принца Юн Шаня заключат во Дворце Наказаний, где подвергнут более подробному допросу. Нам приходится часто слышать, что вернувшийся во дворец князь Цзянчжун Юн Линь избалован и ведом собственными желаниями, а также ведёт себя упрямо и разнузданно. Повелеваю отправить его во Дворец Наказаний для наставлений. Быть посему.

Стоявший на коленях Юн Линь, услышав это, взглянул на провозгласившего указ Юн Шэна, тотчас же вскочил с земли и громко проговорил:

— Гун Ухуэй умер. Даже если его отравили, к чему заключать старшего брата Юн Шаня? Отец-

император такой мудрый человек, почему такую мелочь не может увидеть насквозь?

Как только Юн Шань, державший в это время руки над головой, принимая высочайший указ, услышал слова младшего брата, он изменился в лице, поднялся на ноги и, дернув того, тихо прокричал:

— Юн Линь, немедленно закрой рот!

Выпустив наружу ту ярость, что клокотала в его груди, Юн Линь, с трудом сдерживая себя, накричал на Юн Шэна, вопреки всему:

— Я не согласен! Не согласен! Я хочу увидеть отца-императора! Из-за чего отец-император захотел заключить нас во Дворце Наказаний, в этом злосчастном месте? Чтобы мы пострадали? Что такого сделал старший брат, что его хотят заключить туда? Какую серьёзную провинность я совершил, что меня хотят туда отправить? Если император недоволен нами, то лучше мы придём на аудиенцию и прямо на его глазах покончим с собой, всё закончится, и жизнь станет легче...

Юн Шань потерял всякое терпение, махнул рукой и яростно ударил брата.

Хлоп!

Звонкая пощёчина прервала воцарившуюся в комнате тишину.

— Старший брат... — Из уголков рта юноши потекла красная нить крови, а сам Юн Линь, словно статуя, яростно смотрел на него. Юноша поднял руку и приложил к горящей от пощёчины щеке, неожиданно повысил голос, рухнул на колени и, крепко обняв обе ноги Юн Шаня, заплакал: — Старший брат, это я плохой, и только я навлек на себя беду. Можешь воспользоваться мной, не стоит безропотно смотреть, как эти ничтожества обижают тебя! Я ни на что не гожусь! Я трус! Лучше убей меня!

Юн Шань, чьи ноги всё ещё сжимал Юн Линь, был охвачен печалью и, тяжело вздохнув, спросил у Юн Шэна:

— Нас отправляют немедленно? Или же можно задержаться, чтобы взять с собой что-нибудь?

В душе радуясь достижению цели, Юн Шэн притворился, в недоумении нахмурившись, и только потом прошептал:

— Прошу старшего брата простить, но в намерениях отца-императора не говорилось, что вам нужно собирать вещи. На самом деле я жертвую братскими чувствами, и если соглашусь, то в крайнем случае отец-император отругает меня. Однако здесь ещё осталось много посторонних, и если позже, ссылаясь на сбор вещей, позволить старшему брату осрамиться, перед

задержанием уничтожив доказательства обвинения, разве это не навредит старшему брату? Увы, на этот раз явившись сюда, я был вынужден провозгласить волю и, читая, я действительно скорбел всей душой, человеколюбие братьев единодушно...

Услышав это, Юн Шань в душе испытал отвращение, поэтому слегка махнул рукой, останавливая юношу от дальнейших слов:

— Понимаю.

Наклонившись и взяв задыхающегося от слёз Юн Линя, чьи глаза были красными, юноша поднял того на ноги и с деланным смехом сказал:

— Как не стыдно, ты всё же сын императора, а от лёгкого ветерка и волн [3] сразу же начинаешь плакать, как женщина. Во Дворец Наказаний заключают лишь членов императорской семьи, простолюдинам пока не посчастливилось туда попасть. Идём, присмотришь за старшим братом.

Посмотрев на Юн Линя, юноша сдержанной и благородной поступью горделиво вышел за дверь.

В сопровождении восьмерых охранников, которые разделились на четыре человека, шедших друг за другом, Юн Шань и Юн Линь по снегу направились во Дворец Наказаний.

Сегодняшний день был ясным, снег под лучами тёплого солнца начинал таять и превращаться в лужи, от которых летели брызги и оседали на одежде, оставляя пятна грязи.

Когда юноши добрались до Дворца Наказаний, где все уже давно получили важное сообщение, их встречали как тюремщики, так и чиновники, с почтением ожидая двух «дорогих гостей», отправленных императором.

Юн Шань и Юн Линь, подвергшись аресту, остановились у дверей Дворца Наказаний.

Из толпы вышел толстый и низкорослый мужчина, поклонился юношам и, проявляя учтивость, формально проговорил:

— Слуга Дворца Наказаний и помощник придворного чиновника Мэнь Ци приветствует двух Высочеств. И раз уж два Высочества здесь по воле императора, то простите Вашего слугу за бесцеремонность и позвольте рассказать Вашим Высочествам о правилах Дворца Наказаний. Прошу двух Высочеств взглянуть на эту жёлтую линию, что протянута на пороге.

Он указал на режущую глаз жёлтую линию и, чеканя каждое слово, проговорил:

— Эта линия была лично прочерчена императором Тай-цзу Лэ. Согласно приказу императора, это место — тюрьма для императорских особ, совершивших тяжкое преступление. Статус здесь не имеет значения: даже если Вы золотые ветви и яшмовые листья, дети дракона и внуки феникса[4] — Вы всё равно преступник. После того, как два Высочества переступят порог этого места, согласно правилам Вашему слуге даже не позволено выполнять долг вежливости к Вашим Высочествам.

Юн Шань спокойно улыбнулся:

— Не стоит беспокоиться, в этом месте я не впервые и, естественно, не буду чинить неприятности тебе. Пользуясь тем, что ещё не переступил этот порог, я задам вопрос. Если сможешь ответить сразу, отвечай, если нет, то молчи.

— Ваше Высочество, пожалуйста, спрашивайте.

— Почему не видно управляющего Дворцом Наказаний чиновника Чжан Чэня?

Мэнь Ци, напротив же, не стал скрывать и ответил:

— По воле императора Чжан Чэнь, бравший взятки и пренебрегающий служебными обязанностями, был разжалован до низкого служащего во дворце и уже отправлен в другое место. А ведение дел во Дворце Наказаний временно передали Вашему слуге.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром.

Сжав губы, Юн Шань не проронил ни слова.

Мэнь Ци спросил:

— У Вашего Высочества есть ещё вопросы? Если нет... — Слуга повернулся и махнул рукой, приглашая сделать шаг вперёд.

Сначала Юн Шань хотел ещё кое о чём спросить, но на периферии зрения заметил нескольких стоящих как впереди, так и сзади охранников и тюремщиков, и, не зная, кто служит ушами и глазами врагам, юноша тотчас же отказался от этой мысли и, обернувшись, проговорил:

— Юн Линь, идём.

Ступни, словно налитые свинцом, медленно приподнялись.

Двое юношей перешагнули через прочерченную жёлтую линию на пороге Дворца Наказаний.

Восемь охранников, которые несли ответственность за сопровождение, сделав свою работу и доставив юношей по назначению, вернулись во дворец императора, чтобы доложить об исполнении указа.

Мэнь Ци в сопровождении двух мелких чиновников, что шли впереди, и четырёх рядовых солдат, шедших сзади, окружил Юн Шаня и Юн Линя и препроводил их в тюрьму.

Как только дверь тюрьмы открылась, Юн Шань вошёл внутрь, огляделся и с улыбкой сказал:

— Можно считать, что к нам, братьям, относятся по-доброму.

Повернувшись к Мэнь Ци, наследный принц благодарно кивнул.

Мужчина с серьёзным видом проговорил:

— Ваше Высочество не так понял, во Дворце Наказаний всё делается в соответствии с правилами. Здесь никогда не обращаются бесцеремонно, камеры для заключённых всегда должны быть чистыми. Еду подадут через мгновение. Ваши Высочества, прошу, потерпите немного, а Ваш слуга должен Вас покинуть.

Отступив за дверь, мужчина со звяканьем достал из-за пазухи связку ключей, и, пользуясь тем, что ведёт дело наследного принца, лично повесил на двери камеры замок. Кроме того, слуга попытался встряхнуть дверь, и только после того, как убедился, что она хорошо закрыта, ушёл.

Мёртвая тишина воцарилась в камере, где остались лишь двое близнецов.

Юн Шань медленно сделал круг, дошёл до кровати, сел, потрогал тюфяк, который был сделан из толстого материала. Если настанет холодная погода, то он не позволит замёрзнуть насмерть, но и не принесёт должной радости, только горе. Немного поразмыслив, юноша поднял голову и, посмотрев на Юн Линя, беззаботно проговорил:

— Не стыдно тебе? Обычно ты хвастаешься собственной храбростью и ничего не боишься, а на самом деле, стоило отправиться во Дворец Наказаний, сразу же испугался и не смог вымолвить ни слова. Разве это похоже на создающего хлопоты третьего принца, который ничего не боится, даже гнева самого отца-императора?

Ноги Юн Линя застыли, стоило юноше оказаться в тюрьме. Слушая слова Юн Шаня, он также прошёл мимо и, подойдя к кровати, сел рядом. Повернув голову к старшему близнецу, юноша нахмурил брови и со вздохом сказал:

— Если бы я сам явился во Дворец Наказаний, тогда как это будет считаться? Я сейчас беспокоюсь за тебя и ещё за матушку. Старший брат, а если матушка узнает, что отец-император заключил нас здесь, она может сильно расстроиться. Не ты ли говорил, что она больна?

Стоило вспомнить о наложнице Шу, как Юн Шань стал ещё более подавленным.

Отец-император всегда был переменчив.

Он не только принял меры против наследного принца, даже заключил сюда ещё и его младшего брата Юн Линя.

Управляющий Дворцом Наказаний Чжан Чэнь, с которым у него были небольшие дружеские отношения, также не смог избежать ловушки императора. Что тогда насчёт матушки, занимающей позицию восприимчивой и достаточно серьёзной фигуры?

Предположительно, сейчас наложница Шу, находясь в своём дворце, тоже получила указ, но её не отправили в Холодный дворец, а лишь взяли под стражу.

Всё это Юн Шань в душе прекрасно понимал, и тем не менее он не хотел позволять младшему брату следом за ним впадать в печаль и равнодушно проговорил:

— Матушка прожила во дворце около двадцати лет. Думаешь, она не понимает? Она за пределами тюрьмы и, безусловно, может ради нас, братьев, что-то придумать. Не переживай, посиди здесь несколько дней, подожди, как только гнев отца-императора рассеется, тебя, конечно же, выпустят.

— Я выйду, а ты тогда как? — Юн Линь был охвачен тревогой. — Меня, непослушного и глупого, отругают, но это пустяк, отец-император никогда не заключит меня в тюрьму на весь век. А, старшего брата, вовлечённого в дело об убийстве какого-то секретаря, могли оправдать, покажи он то письмо... Ой, Юн Ци... Я и впрямь... я и впрямь обманулся в нём!

Юн Ци — эти два слова разрывали сердце, причиняя боль.

Боль увеличивалась, словно железный крюк вцепился и разорвал старую, очень глубокую и уже заросшую мясом и кожей рану, что с трудом затянулась и лишь смутно побаливала, заживая.

От этой боли в глазах потемнело.

Юн Шань схватился за грудь, почти не в силах сдержать её.

Тихо посидев, спустя долгое время юноша притворно улыбнулся:

— Смотри, недавно ты чинил препятствия мне, через какое-то время ты сказал, что больше не желаешь осведомляться о матушке, сейчас вновь расшумелся, говоря, что обманулся в Юн Ци. Всех, кто рядом, ты постоянно отвергаешь, и кто знает, может, завтра ты вновь отвергнешь меня...

— Не будет такого! — Юн Линь принял всерьёз слова брата, очень пристально посмотрел взглядом взрослого человека и серьёзно проговорил: — Ты мой родной старший брат, в этой жизни ты единственный мой родной человек. Если кто-то осмелится навредить тебе, я не пощажу его жизни!

Юн Шань замер, уголки рта дрогнули, обнажая улыбку, а сам юноша, вытянув палец, слегка надавил на кончик носа младшего брата:

— Ты ещё так мало пожил, а уже то ради этого, то ради того рискуешь жизнью. Сколько можно? Кстати, Мэнь Ци не сказал, когда принесут еду? Сколько ещё ждать?

Поднявшись с места, юноша подошёл к двери камеры и посмотрел сквозь решётку.

В этот момент, отвернувшись от Юн Линя, Юн Шань поднял руку и тихо смахнул с уголка глаза появившуюся слезу.

Примечания:

[1] «Жизнь касается неба» обр.: важнейшее дело, вопрос жизни и смерти.

[2] Изображения двух божеств, по одному на каждой створке ворот; по суеверию они охраняют дом от нечистой силы и всякого зла.

[3] «От лёгкого ветерка и волн» обр.: столкнувшись с неприятностями.

[4] Члены императорской семьи и дети высокопоставленных чиновников.

<http://bllate.org/book/13372/1189609>